

Когда историк в шинели добровольца

О. М. Морозова

Для цитирования: Морозова О. М. Когда историк в шинели добровольца // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 557–568.
<https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.216>

Статья является рецензией на монографию питерского историка А. С. Пученкова «Первый год Добровольческой армии: от возникновения “Алексеевской организации” до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 — декабрь 1918 года)» (СПб.: Владимир Даль, 2021. 813 с.). В основу книги легли тексты опубликованных и неопубликованных мемуарных свидетельств, принадлежащих в основном сражавшимся на стороне Белой армии; а также результаты научно-исследовательских работ отечественных и зарубежных историков и архивные документы. В качестве основной задачи монографии выступает выстраивание максимально полной хронологии событий, опирающееся на сопоставление суждений современников и версий ученых. Наибольший интерес для рецензирования представляют сформулированные выводы в отношении ключевых событий и фигур начального этапа существования Добровольческого движения. Оценка М. В. Алексева, А. М. Каледина, В. В. Шульгина, предложенная историком, встретила понимание в отличие от идеализированного описания деятельности А. И. Деникина и демонизации атамана П. Н. Краснова. Акцентируется внимание на авторской позиции по вопросам, продолжающим вызывать дискуссии: о правильности выбора Дона в качестве плацдарма для сбора будущей армии, о последствиях принятых решений в отношении направлений и целей 1-го и 2-го Кубанских походов, о влиянии взаимоотношений между вождями на судьбы движения, о результатах военного и государственного строительства за первый год существования Добровольческого движения. Критические замечания высказаны в отношении методов работы с источниками, слишком разнородными и противоречивыми для выстраивания их в общий объяснительный ряд. Среди особенностей подхода автора отмечается его избирательное отношение к мнениям очевидцев, в частности предпочтение, отдаваемое представителям мейнстримного (проденикинского) направления белоэмигрантской литературы. Монография посвящена Добровольческой армии, но сторона противника в ней практически потеряна, что препятствует полноценной оценке потенциала, слабых и сильных сторон армии белых на Юге России.

Ключевые слова: Гражданская война в России, 1918 г., Добровольческая армия, казачество Юга России, мемуары белой эмиграции.

Ольга Михайловна Морозова — д-р ист. наук, проф., Донской государственный технический университет, Российская Федерация, 344000, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1; olgafrost@gmail.com

Olga M. Morozova — Dr. Sci. (History), Professor, Don State Technical University, 1, pl. Gagarina, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation; olgafrost@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

A Historian in a Military Overcoat of a Volunteer

O. M. Morozova

For citation: Morozova O. M. A Historian in a Military Overcoat of a Volunteer. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 2, pp. 557–568. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.216> (In Russian)

The article is a review of the monograph by the St Petersburg historian A. S. Puchenkov “The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the Alekseevskaya organization to the formation of the Armed Forces in the South of Russia (November 1917 — December 1918)” (St Petersburg: Vladimir Dal, 2021. 813 p.). The main task of the book is to present the most comprehensive chronology of events. The conclusions of the monograph about the role of key events and figures during the initial stage of the existence of the Volunteer Movement — M. V. Alekseev, A. M. Kaledin, V. V. Shulgin, A. I. Denikin, ataman P. N. Krasnov — are of the greatest interest for the review. This article focuses on the author’s position on debatable issues: on the correctness of choosing the Don as a springboard for gathering the future army; on the consequences of the decisions concerning the directions and goals of the First and Second Kuban campaigns; on the influence of relationships between leaders on the fate of the movement; on the results of military and state building for the first year of the existence of the Volunteer Movement. The review also makes critical remarks regarding the methods of working sources, too heterogeneous and contradictory to be used as a single explanatory basis. The approach of the author of the monograph is also characterized by his selective attitude to the opinions of eyewitnesses, in particular, more favourable to representatives of the mainstream, pro-Denikin, direction of white émigré literature.

Keywords: Civil War in Russia, 1918, Volunteer Army, Cossacks of the South of Russia, memoirs of white emigration.

Молодой по академическим меркам питерский историк А. С. Пученков издал объемную монографию, посвященную ключевым точкам истории первого года существования Добровольческого движения на Юге России¹. Автор отмерил временной промежуток с начала ноября 1917 г., от момента зарождения идеи новой русской армии, переориентированной с выполнения внешней задачи на внутреннюю (консолидация всех названных здоровыми силами для нанесения удара по большевистскому центру), до декабря 1918 г., когда были сформированы Вооруженные силы Юга России.

Монография по устоявшейся традиции начинается пространным историографическим обзором, что определяется поистине необъятным перечнем вышедших за сто лет после этих драматических событий трудов историков. Здесь дан обзор, пожалуй, большинства значимых текстов, предоставивших автору богатую пищу для анализа и размышлений. Неоднократно упоминаются работы В. Д. Поликарпова, А. И. Ушакова, В. Ж. Цветкова, В. П. Федюка, А. В. Ганина, Р. Г. Гагкуева, И. И. Гребенкина и многих других результативных исследователей². А. С. Пученков собрал

¹ Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 — декабрь 1918 года). СПб., 2021.

² Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии. Орел, 2005; Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. М., 1998; Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав.

наиболее точные формулировки и оценки коллег по цеху. В отличие от непримиримых в своих взглядах мемуаристов ученые оказались ближе к общей позиции, хотя и не по всем пунктам.

Жанр книги определить сложно. Ее особенность — в орнаментации текста обширными выдержками из источников: опубликованных и часто неопубликованных архивных документов. Собственный текст автора в значительной степени исполняет роль связующего элемента, не оспаривая мнение исторических фигур и пасуя перед их авторитетом. Данное издание служит дальнейшей хрестоматизации эмигрантской концепции добровольчества.

Надо отметить сильную сторону проделанной работы — обширный список мемуарных источников, позволивший придать стереоскопичность картине прошлого. То, что воспоминания стали основным источником исследования, именно в данной теме неизбежно. Известно, что перед уходом из Ростова все бумаги Добровольческой армии были сожжены, а от времени 1-го Кубанского похода уцелели отдельные документы.

Выстроенная на этой основе хронология включает как узловые, так и фоновые события, которые в этом ряду приобретают роль существенных. Автору удалось показать в динамике абрис функциональных полномочий верховного командования армии, что сделано, пожалуй, впервые. Мировоззренческий комплекс добровольчества представлен в его ключевых элементах с учетом нюансов, типичных для отдельных групп носителей. В текст книги интегрированы портреты видных фигур движения. С характеристикой некоторых, например первого выборного донского атамана А. М. Каледина, нельзя не согласиться. Осуществлен пространственный экскурс в политические взгляды и общественную деятельность В. В. Шульгина. Пристальное внимание уделено личным отношениям вождей движения, что не может быть признано чрезмерным или не соответствующим задачам книги, потому что материал доказывает влияние на судьбы белой идеи субъективных черт Л. Г. Корнилова, М. В. Алексеева, А. И. Деникина и многих других генералов.

Для обсуждения в рецензии отобраны лишь некоторые из проблем монографии, выводы автора по которым отличаются от видения рецензента или требуют комментария и уточнения при общем совпадении позиций.

Вслед за мемуаристами автор неоднократно возвращается к судьбоносному решению о переносе деятельности офицерской организации на Дон. А. С. Пученков — сторонник мнения, что приглашение будущих добровольцев на Дон было (с. 76, 305). На существование договоренности между Алексеевым и Калединым ссылался В. Е. Павлов, марковец из молодых, непосредственно не наблюдавший штабные события (с. 69). По свидетельству более осведомленного есаула И. А. Родионова, близкого к Л. Г. Корнилову быховского «сидельца», атаман А. М. Каледин получил от генерала запрос на предоставление базы для размещения прибывающих из центра страны, но ответы давал неопределенные (с. 189). В сохранившихся

1917–1920 гг. М., 2012; Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров 1917–1922 гг. М., 2018; Гребёнкин И. Н. Добровольцы и Добровольческая армия на Дону и в Ледяном походе. Рязань, 2005; Поликарпов В. Д. Пролог Гражданской войны в России, октябрь 1917 — февраль 1918. М., 1976; Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России 1917–1918 гг. М., 1996; Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. М., 2000.

ся документах атаманской канцелярии никаких намеков на обсуждение этой темы нет, да и вряд ли могли быть: слишком непрочным было положение самого атамана.

Вопрос об авторстве «донского» проекта после примечательных метаморфоз был закрыт закреплением его за генералом М. В. Алексеевым, что удалось проследить историку. Отмечается, что В. В. Шульгин в одном из мемуарных текстов утверждал, что Алексеев лично говорил ему, что Новочеркасск как базу армии выбрал именно он, понимая, что там «вязко, но лучшего места нет» (с. 612). Еще 27 октября 1917 г. в передовой статье газеты «Киевлянин» Шульгин высказал идею о том, что казачий Юг может подхватить государственную власть, утерянную разложившимся Севером (с. 93). В записке, датированной 1918 г., А. Г. Шапрон дю Ларре и В. Д. Парфенов прямо указывают на бывшего командира лейб-гвардии Измайловского полка П. А. Веденяпина³ как первого подавшего мысль о Доне и составившего на совещании 30 октября план действий на первые дни. На следующий день Веденяпин выехал в Новочеркасск, предварительно получив принципиальное согласие Алексеева использовать его имя и авторитет для сбора армии на Юге (с. 76). При этом сам Веденяпин уже в 1919 г. отдавал приоритет недавно скончавшемуся генералу. Этот сюжет мог стать поводом для изучения механизма формирования белогвардейской агиографии.

На вопрос, оправдались ли надежды на казачество, верным ли был выбор Дона, автор дважды отвечает утвердительно (с. 307–308, 779). Если так, то следовало ожидать одобрения курса всех донских атаманов. Но этого нет. А. М. Каледина, по мнению автора, отличало благожелательное, но не афишируемое им отношение к идее офицерской армии, не поддержанное широкими слоями донцов (с. 112). А П. Н. Краснов вообще стал главным злодеем книги, в основном из-за его союза с немцами. Неприязнь, установившаяся между ним и А. И. Деникиным, помешала, как специально оговаривается в выводах, консолидации антибольшевистских сил на Юге в единый ударный кулак (с. 776). Однако Краснов был не единственным офицером высокого ранга, с кем у Деникина возникла обоюдная антипатия. Пора без розовых очков посмотреть на личность и деятельность главнокомандующего. Отделять позицию Краснова от линии третьего выборного донского атамана А. П. Богаевского можно, но политика «хорошего» Каледина и «плохого» Краснова в свете войскового документооборота в текстах публичных выступлений атаманов отличалась незначительно: та же зависимость от войскового круга (в случае Краснова она несколько ослабла после принятия донской «конституции» в сентябре 1918 г.), та же чувствительность к романтике «былого Тихого Дона», то же ощущение офицерской корпорации и оказание посильной помощи. Перед уходом корниловской армии с Дона в ее кассу из войскового казначейства было передано 15 млн рублей. А спустя полгода немецкие боеприпасы, пройдя «очищение»⁴ в донской воде, поступали в Добровольческую армию. В основу оценки войсковых атаманов был положен единственный критерий — готовность следовать приказам

³ Веденяпины были не чужды Дону. Они находились в родстве с видным дворянским казачьим родом Денисовых, в частности со штаб-майстером Двора, членом Государственного совета Василием Ильичом Денисовым. См.: Личная переписка В. И. Денисова // Государственный архив Ростовской области. Ф. 107. Оп. 1. Д. 48. Л. 31 об.

⁴ В Добровольческой армии считалось зазорным напрямую брать у немцев оружие и боеприпасы, а от казаков то же самое оружие принималось. Так добровольцы, не поступаясь своими принципами, сохраняли на дистанции непримиримую позицию по отношению к недавнему противнику.

добровольческого командования. В связи с этим неприязнь ко второму выборному атаману добровольцы сохранили и в эмиграции, отзываясь о нем как о непорядочном человеке. Соратники Краснова, например К. П. Каклюгин, стремясь обелить его имя, отрицали его казачий национализм, сотрудничество с германской армией объясняли прагматизмом, считали его линию на независимость Дона временной — только до освобождения России от большевизма. Эти попытки не изменили репутацию Краснова в белоэмигрантских кругах. Донского атамана противопоставляли иконам добровольчества, отведя ему почетное место главного демона. Автор книги присоединяется к этому хору, именуя атамана двурушником и с удовольствием цитируя его критиков.

Если вернуться к проблеме правильности выбора Дона в качестве базы для сбора будущей армии, то представляется, что формулировка вопроса в корне некорректна. Более точной будет иная: удалось ли добровольческому командованию преодолеть серьезные препятствия, возникшие из-за специфических условий южной окраины страны, и создать боеспособную армию? В этом случае ответ будет положительным, но с оговоркой, что успех был небыстрым и кратковременным. В целом, выбор окраин, населенных казаками и горцами, не может быть признан оптимальным. Во-первых, казаки отделяли себя от русских и имели свои виды на открывшуюся свободу. Во-вторых, выбор казачьего Юга произошел под влиянием ошибочной оценки этого сословия как носителя здоровых государственных инстинктов. Вера в казачество как в надежную опору в борьбе с большевизмом восходит к сформированному в предреволюционные годы образу казака как преданного слуги Родины и трона. Первоначально эта концепция была рассчитана на самих казаков, недовольных участием в подавлении протестующих в 1905 г. Но под ее очарование попало и все остальное общество. Горцы тоже были переоценены в их приверженности «белому царю». Прославившая себя в боях с Германией Дикая дивизия состояла из представителей вовсе не всех настроений в горских сообществах, среди прочих там были желающие разыграть пантюркистскую и панисламистскую карту. Возможно ли ставить вопрос об альтернативных плацдармах для сбора противников советского режима? Мог бы быть рассмотрен в этом качестве Уральский регион? Мнение специалистов за и против этой версии могло бы быть интригующим. Кроме того, вопрос о власти в России всегда решается в столицах, куда армии, находящейся в тысяче километров от центра страны, еще нужно с боями прорваться. Все эти аспекты имеют право быть артикулированы в контексте анализа перспектив донского проекта генерала М. В. Алексеева.

Когда А. С. Пученков утверждает, что в конце 1918 г. удалось реализовать предвидение генерала Алексеева об опоре армии на казачество (с. 779), он упускает из виду фактор времени, тот факт, что это произошло с задержкой на год. За это время была создана регулярная Красная армия, а советская власть рассталась со своими первоначальными иллюзиями и приобрела уже некоторый военный и государственный опыт. Кроме того, Донскую армию под централизованное командование привела смена власти в Новочеркасске. Ее вызвали эвакуация германской армии, инициировавшая кратное увеличение протяженности фронта с Красной армией, и обострение «пограничной» болезни казачества — нежелания покидать пределы войска и мистический страх перед войной с Россией. Все это привело к расколу войскового круга на сторонников и противников атамана, деятельно под-

держанных добровольческим командованием. Все эти обстоятельства к расчетам генерала Алексева явного отношения не имели.

Негативная реакция казаков, в частности донских, на Добровольческое движение, имевшее реставрационную репутацию, носила устойчивый характер. На мой взгляд, причина не в сепаратистских настроениях. Они не были выражены ни у рядовых донцов, ни у войсковой элиты. Речь может идти лишь об автономизме, проявленном даже слабее, чем на других окраинных территориях, например на Кубани. Низовые слои казачества приветствовали демонтаж имперской системы, потому что архаичная система службы в полурегулярных войсках лежала тяжелым бременем на семье рядового казака. Он обязан был являться в полк на соответствующем стандартах коне, полностью снарядив себя «арматуром», форменной одеждой, конской амуницией, холодным оружием, всем, кроме ружья, которое он получал уже в полку. При отсутствии денег, необходимых для сбора на службу, их одалживало станичное правление, забрав у семьи для покрытия долга юртовой надел на несколько лет. Даже в случае гибели казака долг не списывался. Не случайно казачьи депутаты требовали включения в документы всех новых властей пункта о сборе в полк за государственный счет⁵.

Главным персонажем книги по праву выступает генерал А. И. Деникин. Пишущие о нем, как правило, выражали чувство необычайной симпатии. П. Н. Врангель, А. С. Лукомский, Д. Кин с их критикой главнокомандующего как политика и военачальника образуют исчезающее меньшинство. Решения, принятые штабом армии при Деникине, признавались белыми мемуаристами единственно верными даже с учетом их очевидного исторического провала. Генералу А. А. фон Лампе принадлежит чарующий панегирик: политика Деникина оказывалась правильной всегда (с. 754–755). Влюбленность в фигуру главнокомандующего свойственна не только соратникам, но и современным авторам. Примером может служить ростовский историк А. И. Козлов, чью биографическую книгу о Деникине мне довелось с интересом прочитать и выступить ее рецензентом много лет назад⁶. Главнокомандующему адресованы исключительно хвалебные характеристики: честен, не амбициозен, служака... Хотя встает вопрос, а подходит ли все это человеку, оказавшемуся на этом месте в это время и при этих обстоятельствах? Не являются ли эти человеческие достоинства причиной неуспеха возглавляемого им движения?

В связи со степенью внимания, уделенного в рецензируемой книге Деникину и особенно поздним неопубликованным запискам генерала, невозможно не поделиться собственным восприятием этой важной для истории Гражданской войны фигуры. Представляется, что в литературе утвердился необоснованно высокий пиетет не только к нему персонально, но и к его политике и ее результатам. Сам Деникин, будучи автором грандиозной истории своего движения, не нашел в ней места критическому разбору своей деятельности, поводов к чему было более чем достаточно. Свою миссию он видел, судя по всему, в рамках традиции, характерной для офицерства: оставить после себя описание кампаний, в которых принимал участие. Деникинские «Очерки русской смуты» наполнены декларацией собственной правоты, при этом подспудно ощущаются интонации самореабилитации. Деникин

⁵ Морозова О. М. Государственное строительство казачьего Юга в 1917–1919 гг. Проекты и реальность // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 154–168.

⁶ Козлов А. И. Антон Иванович Деникин (человек, полководец, политик, ученый). М., 2004.

заявлял, что его миссией как главнокомандующего армии было воссоздание российской государственности, при этом он, будучи боевым офицером, рассматривал ее как задачу исключительно военного характера (с. 143). Современность дает нам богатый материал для оценки этого суждения.

Совсем другим, чем у апологетов-эмигрантов, главнокомандующий предстает из дневниковых записей генерала И. Г. Эрдели. Если отбросить общий критический настрой соратника по быховскому «сидению» и сконцентрироваться на деталях, то выявляется штабное затворничество, разделяемое Деникиным с И. П. Романовским, что сформировало скверную репутацию последнего в добровольческих массах и вредило самому Деникину. Деникин не любил проводить совещания с командирами дивизий, поскольку там он мог выслушать критику и предложения, расходящиеся с линией штаба. Так, Эрдели отрицательно оценивал тактику распыления сил по малоподвижному фронту с оставлением в тылу недобитых отрядов противника. Упомянутая в его дневнике манера общения генерала с помощью «записочек», а не по официальным каналам нашла подтверждение фактом обнаружения в одном из ростовских «кладов» подобной записки, адресованной генералу А. Н. Черепову. Такая практика не могла негативно не сказаться на исполнительской дисциплине в армии. Главнокомандующий проявлял ревнивое отношение к выдвинувшимся офицерам, в частности к полковнику М. Г. Дроздовскому⁷. Вопиющая, по мнению части добровольцев, несправедливость, проявленная по отношению к нему, способствовала формированию прижизненного культа, который первоначально был фрондой главнокомандующему.

Таланты Деникина как военного стратега, тактика, главы армии могут оценить только военные специалисты, но его деятельность как лица, принявшего на себя ответственность и за гражданскую часть, могут осмелиться проанализировать и штатские историки. В книге был поднят вопрос о результатах Белого движения Юга в сфере государственного строительства. Автор монографии не согласен с тезисом о пресловутом политическом дилетантизме вождей Добровольческой армии, приведя в качестве довода то, что они не поддались соблазну прогерманской ориентации (с. 775–776). В качестве дополнительной аргументации он использовал противоречивые отзывы о работе Особого совещания при главнокомандующем, принадлежащие и исследователям, и самим его членам, в том числе Деникину, К. Н. Соколову, А. М. Драгомирову, В. В. Шульгину. Но взвешенный вывод о том, удалось ли Деникину создать дееспособное государство, сформулирован в книге не был; итоговые формулировки внутренне противоречивы (с. 781–782).

В ходе рецензирования нередко возникало желание привести в качестве довода результаты собственных исследований. Так, в целях сравнения способности красных и белых решать организационные задачи мы с коллегой из Архангельска изучили документы санитарно-медицинских учреждений, обеспечивавших нужды Добровольческой армии. Оказалось, что их эффективность уступала аналогичным службам противника. Причина в том, что командование передало эту функцию в руки частных и общественных организаций, финансируя их, но не контролируя,

⁷ Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017. С. 138, 142–144.

по сути, их работу. Разумеется, это привело к массовым злоупотреблениям и дезорганизации⁸.

Среди знаковых фигур Белого движения Юга наименьшее внимание в книге уделено М. Г. Дроздовскому. Его роль в судьбах добровольчества как армии и как системы миропонимания исключительно важна. Белые мемуаристы из других полков отмечали особую свирепость дроздовцев (с. 643–644). Зарождение традиций этой части Добровольческой армии произошло во время перехода из Ясс на Дон, проведенного по всем правилам экспедиционного корпуса — с оставлением позади себя выжженного поля, виселиц и расстрелянных Советов. Подход отряда Дроздовского на Дон остановил процесс полного рассеивания участников Ледяного похода. Вывезенное им с фронта имущество — автотранспорт, вооружения и боеприпасы — усилило армию, оно стало переходить под контроль начальника деникин-ского штаба И. П. Романовского. Между Дроздовским и «первопоходниками» возникли разногласия по поводу дальнейшей стратегии. Полковник был сторонником продвижения на северо-восток, на соединение с белочехами, но его оттирали от участия в принятии решений. В его адрес высказывались подозрения в германофильстве из-за того, что, следуя по Украине, он не вступал в бои с немцами. Эти разногласия, слабо освещенные в истории Добровольческой армии, показывают, что соперничество высших офицеров было ее имманентной сущностью. Отсюда исходит культ мертвых командиров, а также глухое недовольство командованием Деникина и особенно Романовским, имевшее крупные последствия в 1919–1920 гг. В этом ключе особый смысл имеет замечание автора, что за убийствами И. П. Романовского и Н. С. Рябовола стояли лица, близкие Дроздовскому (с. 563, 638–639).

Параграф «Добровольцы на Кубани» представляется насыщенным важными деталями. Ранний этап взаимоотношений обосновавшегося в Екатеринодаре добровольческого командования и кубанских краевых учреждений ранее не рассматривался столь подробно. Автору удалось показать составляющие элементы борьбы двух (умеренного и более радикального) лагерей кубанцев, проукраинских групп влияния и добровольческого командования, сделав вывод о появлении губительного непонимания между естественными союзниками. Деникин и в эмиграции именовал кубанцев «большевиками в каком-то своеобразном кубанском стиле» (с. 732). Попробуем разобраться в основаниях его оценки. Ядром общественных сил Кубани были эсеры и в меньшей степени меньшевики, эсеровские лозунги были весьма популярны не только среди крестьян, но и среди казаков. Те же социалистические партии были и на Дону, но форматом помельче: они были допущены лишь в городское самоуправление. А на Кубани левыми партиями были сформированы краевые учреждения, стремившиеся обрести большой суверенитет. Конфликт подогревал тот факт, что в течение полугода кубанские краевые власти вынуждены были делить Екатеринодар с деникинским штабом. Вот в этом кубанский «большевизм», по мнению Деникина, и состоял.

Заключительная часть монографии завершается размышлениями об отсутствии идеологической системы в Добровольческом движении и о непонимании белыми сути войны как гражданской, что и послужило причинами их поражения.

⁸ Морозова О. М., Трошина Т. И. Состояние военной медицины в годы Гражданской войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21, № 1. С. 109–119.

Проблема отсутствия партийного ядра в Добровольческом движении, к сожалению, ограничивается в книге «самодискредитацией» лидера кадетов П. Н. Милюкова в связи с переходом в «германскую веру» (с. 774, 778); но последствия партийного и идеологического вакуума в армии Деникина куда шире. У большевиков существовали три параллельные вертикали — советская, партийная, военная. Они не только переплетались, но и осуществляли взаимную координацию и контроль. Добровольческое же командование замыкало на себе многие управленческие цепи на подконтрольных территориях. Следствием неразделенности власти в добровольческой иерархии стала тотальная безответственность. Централизация была формальной, без осуществления реального надзора над выполнением приказов и распоряжений, движением персонала и материальных ресурсов. Доброволец присваивал себе моральное право не явиться к месту службы, оставить полк, разочаровавшись в идее и вождях, а отвечал он только перед своей совестью как человек высокодуховный и сложно организованный. Слоган добровольческого плаката «Отчего вы не в армии?» отсылает к этой нравственной парадигме.

Обращаясь к историческим аналогиям, можно порассуждать о причинах победы фалангистов генерала Ф. Франко в Гражданской войне в Испании. Может быть, она заключалась в том, что эта война вспыхнула через пять лет после установления республики и начала проведения левых реформ. К моменту мятежа власть уже несколько раз мирным путем переходила от правых к левым и наоборот, уже была четко определена конфигурация противостоящих лагерей, участники будущих боев заняли свои места. Может быть, в России противники советской власти просто поторопились? Если бы они дали вызреть антибольшевистским настроениям, «оседлали» мощную контрреволюционную волну, то база их движения была бы прочнее, поход победоносным, а Россия получила бы десятилетия военной диктатуры?

Рассмотрим, какие процессы разрушили перспективу победы белых.

С самого начала определенность в методах строительства советского общества отсутствовала. В 1917 г. В. И. Ленин пытался развить марксистские идеи об уничтожении паразитической формы государства в лице буржуазной диктатуры и о коммунальном устройстве как переходном к коммунизму типе общественной организации. Советская модель казалась пригодным для России вариантом этого подхода; но в целом концепт властного администрирования, изложенный в работе «Государство и революция», имел весьма абстрактный характер⁹. На практике формировалась аморфная структура местных учреждений, деятельность которых складывалась из попыток убеждения и мягкого давления на выражающих разными способами несогласие, а также из футуристических планов социального характера. Иллюстрацией может служить брошюра А. И. Тодорского о событиях лета 1918 г. в Весьегонском уезде Тверской губернии. Будущий советский генерал писал, что левоэсеровский мятеж заставил уездных большевиков покинуть канцелярии и взять оружие в «замазанные в чернилах руки», что виделось им ситуативной паузой в строительстве социализма в отдельно взятом уезде¹⁰. Их планы удивительно напоминают очертания коммунистического Уйгунана в воображении «начальни-

⁹ Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1969. Т. 33. С. 1–120.

¹⁰ Тодорский А. Год — с винтовкой и плугом (1918). М., 1958.

ка Чукотки» Алеши Бычкова¹¹. В искусстве случайных совпадений с жизнью не бывает.

Для периода, известного как триумфальное шествие советской власти, была типичной модель власти, стремящейся обрести широкую поддержку населения. Ее признаки можно найти даже на Юге, где все завязалось прежде других регионов. На Дону начало Гражданской войны можно смело отнести к 26 ноября 1917 г. В декабре советская власть уже пережила первую эвакуацию в Царицын. Ее возвращение в Ростов и Новочеркасск в феврале 1918 г. не привело к мобилизации всех сил против контрреволюции, представители которых скиталась неподалеку в степях Задонья и Прикубанья, а их формирования могли рассеяться в любой момент. Для созыва 1-го съезда донских советов потребовалось полтора месяца. Меры по организации регулярной армии не предпринимались. Просоветские отряды распускались по домам. Оружие со складов выдавалось депутациям из сел лишь под клятвенное обещание по первому зову выступить за новую власть. Все это вписывалось в представления председателя Донского казачьего ВРК Ф.Г. Подтёлкова о том, что массе трудящегося народа противостоит кучка богатеев и генералов, тщетно цепляющихся за власть¹². На Кубани весной и летом 1918 г. реализовывалась линия на умиротворение и урегулирование межсословных и межпартийных противоречий. Надо лишь отметить, что молодую советскую власть подтачивали в основном поземельные споры, вызванные Декретом о земле, но вышедшие за рамки передела частновладельческих земель. На фоне такой наивной и слабой власти, имевшей при этом немало привлекательных для населения черт, офицерские отряды с их непреклонным желанием реванша выглядели ярким воплощением возврата к прошлому. Они одержали череду побед, отвоевав обширные территории, чем запустили качественно иной процесс советского государственного строительства. Осознание того, что из череды локальных боев вырастает системный конфликт, угрожающий существованию пролетарской власти, пробудило к жизни строгую вертикаль неразделенного партийно-советско-военного управления. Этот синкретизм обеспечивали и «личная уния» большевиков, совмещавших работу в самостоятельных советских ведомствах, и единство стратегических и тактических целей, обеспечивших разгром врага.

Итак, победа белых была возможна, пока Советы были рыхлой федерацией местных республик. Так бы все и продолжалось, если бы не военный натиск белых, который без единого руководства и координации, недостаточный по личному составу и материальным ресурсам, превратился в покушение с негодными средствами.

Методы работы с первичными документами, мемуаристикой и научной литературой, положенные в основу книги, заслуживают отдельного внимания. В один повествовательный ряд выстраиваются впечатления, ощущения, умозаключения современников и интерпретации современных исследователей. Изложение литературы и источников «через запятую» затрудняет целенаправленное использование

¹¹ «Начальник Чукотки» — художественный фильм, снятый в 1966 г. режиссером В. Мельниковым.

¹² Биография председателя военно-революционного комитета Ф. Г. Подтёлкова, опубликованная в газете «Известия Новочеркасского Совета рабочих и крестьянских депутатов» 14 марта 1918 г. // Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920 гг.: в 2 т. Т. 1. Ростов н/Д., 2017. С. 233–234.

специфических методов историографии и источниковедения. Логические инструменты фактически применялись к ним как к равноценным источникам. При этом автор монографии хорошо понимает специфичность эмигрантских текстов, называя их героизированными версиями произошедшего (с. 373), со всеми вытекающими из этого искажениями. Мемуарные трактовки нередко не вяжутся друг с другом, что дело известное. Дешифровка противоречий является захватывающим жанром исторического исследования; но этого не хватает, как например, в основанном на разноречивых, не получивших авторской оценки свидетельствах описании отношений Л. Г. Корнилова и А. Ф. Керенского (с. 213–214).

Хронологический принцип, положенный в основу структуры книги, при всех достоинствах имеет и недостатки. Автор по несколько раз возвращается к одному и тому же вопросу. Таковым, например, является давняя дискуссия о цели 1-го Кубанского похода и перспективах наступления на Царицын. Первый раз эта тема всплывает в феврале 1918 г., в момент выбора направления движения отрядов, ушедших в Задонье. Второй раз — в мае 1918 г., когда в результате совещания в станице Манычской Краснов и Деникин не смогли договориться о приоритетном направлении наступления — на Царицын или на Кубань. Автор воспринял позицию Деникина как данность и не развил аргументацию генерала Н. Н. Головина о перспективности Задонья, Царицына и Поволжья как театра военных действий (с. 325–331, 339–342). С учетом той роли, которую сыграл для советской власти урожай хлеба, собранный в Сальских степях летом 1918 г., а также того, что Поволжье некоторым образом стало непреодолимым рубежом между южными и восточными белыми армиями, этот проект стоил того, чтобы остановиться на нем подробнее.

В тексте встречаются неточности. Допущена ошибка в фамилии политического комиссара 11-й армии Фрица Булле, бывшего до отхода Красной армии к Астрахани председателем Терского совнаркома, членом Совета обороны Северного Кавказа. Это повод поднять важный для академического сообщества вопрос о восстановлении в полном объеме существовавших ранее правил подготовки текстов к публикации, обеспечении их научной редактурой.

Знакомство с этой объемной монографией дало много новой информации. Мне было интересно узнать, насколько существенным было косвенное и прямое влияние персонажа одной из моих книг — генерала И. Г. Эрдели — на судьбу 1-го Кубанского похода. Это стало возможным, благодаря использованию в тексте соответствующих мест из воспоминаний А. И. Деникина и А. Р. Трушновича (с. 340, 373). Также приятно было обнаружить сюжет о полковнике Кузнецове (с. 374–375), где наш уважаемый автор пришел к той же версии событий, что и сам рецензент.

В заключение хочется обратить внимание всех историков Гражданской войны в нашей не избалованной мирными годами стране, что профессия ждет от нас большей беспристрастности в работе со столь гремучим материалом. Спустя сто лет мы можем себе это позволить, если захотим.

References

- Abiniakin R. M. *Ofiterskii korpus Dobrovol'cheskoi armii*. Orel, A. Vorob'ev Publ., 2005, 203 p. (In Russian)
- Bordiugov G. A., Ushakov A. I., Churakov V. Iu. *Beloe delo: ideologiya, osnovy, rezhimy vlasti*. Moscow, Russkii Mir Publ., 1998, 318 p. (In Russian)

- Fediuk V. P. *Belye. Antibol'shevistskoe dvizhenie na Iuge Rossii 1917–1918 gg.* Moscow, AIRO-XX Publ., 1996, 153 p. (In Russian)
- Gagkuev R. G. *Beloe dvizhenie na Iuge Rossii. Voennoe stroitel'stvo, istochniki komplektovaniia, sotsial'nyi sostav. 1917–1920 gg.* Moscow, Posev Publ., 2012, 704 p. (In Russian)
- Ganin A. V. *Russkii ofitser'skii korpus v gody Grazhdanskoi voiny. Protivostoianie komandnykh kadrov 1917–1922 gg.* Moscow, Staraia Basmanaia Publ., 2018, 272 p. (In Russian)
- Grebenkin I. N. *Dobrovol'tsy i Dobrovol'cheskaia armii na Donu i v Ledianom pokhode.* Riazan', Riazanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. S. A. Esenina Publ., 2005, 241 p. (In Russian)
- Kozlov A. I. *Anton Ivanovich Denikin (chelovek, polkovodets, politik, uchenyi).* Moscow, Sobranie Publ., 2004, 438 p. (In Russian)
- Morozova O. M. *General Ivan Georgievich Erdeli. Stranitsy istorii Belogo dvizheniia na Iuge Rossii.* Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017, 226 p. (In Russian)
- Morozova O. M. Gosudarstvennoe stroitel'stvo kazach'ego Iuga v 1917–1919 gg. Proekty i real'nost'. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2020, no. 1 (25), pp. 154–168. (In Russian)
- Morozova O. M., Troshina T. I. Sostoianie voennoi meditsiny v gody Grazhdanskoi voiny. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Istoriia Rossii*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 109–119. (In Russian)
- Polikarpov V. D. *Prolog Grazhdanskoi voiny v Rossii.* Moscow, Nauka Publ., 1976, 415 p. (In Russian)
- Puchenkov A. S. *Pervyi god Dobrovol'cheskoi armii: ot vzniknoveniia "Aleksievskoi organizatsii" do obrazovaniia Vooruzhennykh Sil na Iuge Rossii (noiabr' 1917 — dekabr' 1918 goda).* St Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2021, 813 p. (In Russian)
- Tsvetkov V. Zh. *Belye armii Iuga Rossii. 1917–1920 gg.* Moscow, Posev Publ., 2000, 253 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 октября 2022 г.

Рекомендована к печати 30 января 2023 г.

Received: October 20, 2022

Accepted: January 30, 2023